

ЛЕКЦИЯ № 3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.

План.

1. Гостеприимство в истории общественных отношений народов Северного Кавказа
2. Обычай куначества в традиционном быту народов Северного Кавказа.
3. Аталычество в традиционном быту народов Северного Кавказа.

1. Обычай гостеприимства имеет очень глубокие корни. «Священный обычай гостеприимства был основан на начале родового принципа и культа» - писал Умар Алиев.

Великие хранители памяти человеческой - наше старшее поколение - сохранили для потомков богатейшие образцы устного народного творчества, которые позволяют сделать экскурс к генетическим корням гостеприимства, к тем отдаленным от нас временам, когда в борьбе за существование при естественной слабости человека, вызванной самой жизнью, низким уровнем развития производительных сил и суровостью окружавших условий и природы, человеку практически невозможно было обойтись без взаимной помощи и поддержки, когда сильны были суеверные представления, развились общинно-родовые традиции. И многие ученые, занимающиеся изучением истории народов Северного Кавказа приходят к общему выводу, который в свое время высказал исследователь Карачая Тепцов Е.Я., заметив, что гостеприимство – «остаток родовой жизни, когда было все свое, общеродовое, когда не нужно было просить что-либо».

Шло время, росли новые поколения, устанавливались взаимоотношения и порядок общежития, сформировались моральные нормы людей, которые, надо сказать, часто возникали на религиозной основе, что и отражается в таких высказываниях, как – «Сен адамны суймесенг, сени Тейри суймесин» (Если ты не любишь человека, то пусть Тейри разлюбит тебя) и «Кьонакъ Тейрини атындан келсе, адам анга куллубъ этерге керекди» (Если гость приходит от имени Тейри, то человек обязан ему служить).

И в наши дни карачаевцы и балкарцы говорят «Тейри алдамасын, конакъ кьаргамасын, башха джерде сабырланмасын» т.е. Пусть Тейри не обманет, гость не проклянет и в другом месте не задержится. Гостеприимство, как бескорыстный прием и защита гостя восходит, по мнению большинства ученых ко времени вызревания ранних цивилизаций и было вызвано к жизни главным образом потребностями торговли или другого делового общения, политических и обрядовых контактов, получения убежища, обмена информацией, а то и просто проведения досуга. И эти мотивы гостеприимства были настолько значимы, что обычай приобрел огромное общественное звучание. У народов Северного Кавказа этот обычай представлял собой классическое гостеприимство архаичного типа, очень долго сохранявшегося здесь в условиях относительной географической изолированности и военизированного раннефеодального быта. То, что

гостеприимство древнее любых упоминаний о нем, подтверждается тем, что фигурирует уже в героическом нартском эпосе. Например, в одном из циклов карачаево-балкарского варианта этого эпоса рассказывается, что однажды к дому нарта Ерюзмека подъехал незнакомец ногой-коротыш и состоялся такой разговор:

- «Здесь гостей принимают?»
- «Принимают» - ответил джигит на вопрос.
- «Я у вас поживу, погощу целый год...

Каждый день по барану я съем непременно,
А мой конь - по копне золотистого сена».

На протяжении своей истории порядки гостеприимства трансформировались и со временем превратились в этническую традицию. Меняли свою первоначальную суть, генетические качества и этикетные установления. Религиозная основа, вначале закрепившаяся из-за слабости человека перед силами природы, с развитием общества все более отступала на второй план, уступая место коллективистам и нравственным началам.

Изменение, обогащение и возрастание роли в нем этикета были связаны с непосредственным влиянием социально-экономической жизни народов, классовым расслоением, ростом уровня социальной культуры. Первым существенным влиянием на гостеприимство и складывающийся его церемониал было ослабление кровно-родственных связей и утверждение территориальных, соседских, как превалирующий. Потомки родоплеменной и военной знати наиболее сильные и уважаемые среди односельчан семьи превращались в феодальные фамилии, господствующую силу феодального общества.

Постепенно сосредоточение в руках меньшинства политической власти и формирование классов соответственно вносились штрихи социального неравенства и в институт гостеприимства. Одни из мотивов гостеприимства в полной мере сохраняли свои архаичные черты, другие с течением времени в той или иной степени приобрели не лишенную меркантильности сословно-классовую окраску. Более подробно об этом будет сказано дальше.

Особенностью горского гостеприимства было то, что гостем считался любой, даже никому неизвестный человек, выразивший желание остановиться у того или иного хозяина. При этом не различали ни бедных, ни богатых, не имела значения национальность, пол и количество гостей, время их прибытия и пребывания, занятость хозяев.

Прием хозяевами гостя был для них непростым делом, прежде всего, в материальном отношении. Тем более, что этот прием во многом различался для двух видов гостей - почетных и дорогих. Почетными считались гости, прибывшие издалека, хотя некоторое значение имели также их преклонные лета, сословная принадлежность, воинская или другая слава. Дорогими гостями были родственники, в особенности кровные, а также люди, живущие относительно недалеко или бывающие в доме сравнительно часто.

В каждом мало-мальски зажиточном доме имелся гостинный дом - кунацкая - или обычно специальная комната, выделенная в доме или гостевая

пристройка к жилому дому (къонакъ юй). Только князья, вероятно, не без кабардинского влияния, обзавелись отдельными домами для гостей. «У князя Урусбиева два дома». - писал в конце XIX в. И.И. Иванюков и М.М. Ковалевский - В одном он живет с семьей, другой дом из трех комнат больших, предназначен для приема гостей. В кавказоведческой литературе за всеми гостевыми домами и комнатами применительно ко всем народам Северного Кавказа закрепилось тюркское слово «кунацкая». Самый термин «кунацкая» образован от тюркского слова «конак», «друг» – приятель, которое таким образом означало как гостя, так и хозяина.

У отдельных лиц были отдельные кунатские даже на кошу.

Гостю оказывались самые различные знаки уважения и внимания без всякого вознаграждения. Подтверждением этому служит рассказ Османа Мамаева, приведенный Мусукаевым в одной из его книг: «Когда на прощанье гости предложили деньги за гостеприимство и услуги хозяин сказал: «У гостей горцы денег никогда не берут, Бог Тейри обязывает людей, хотя они и говорят на разных языках, помогать друг другу. От того, что вы ели в моем доме, я беднее не стал. От того, что вы жили в моем доме нам теснее не стало. Вы наши гости и спасибо вам за это»».

В глазах карачаевца или балкарца не было такой услуги, которая могла бы унижить хозяина перед гостем. По обычаю гость в любом доме находил внимание и приют. Даже если в семье, куда пришел гость произошло событие, будь то горе или болезнь, хозяин дома обязан был оказать ему радушный прием. Примером этому может служить удивительный случай, описанный С. Анисимовым в работе «От Казбека к Эльбрусу», где он рассказывает, как в горах Карачая на одном из кошей был оказан ему и его друзьям необычный прием, когда во время сильного ливня они вынуждены были искать убежище и подъехали к ближайшей стоянке пастухов. Внезапно прибывших гостей принимали, так, как будто их специально и давно ждали. Между тем в семье все переживали критическое состояние хозяйки, лежавшей в соседней комнате и тяжело переносившей роды. В течение всего пребывания гостей в доме глава семьи оставался спокойным, веселым, шутил и что-нибудь рассказывал. Когда у него родился сын, он предоставил гостям право дать ребенку имя.

Построенное на «традиционных принципах» гарантировавших полную безопасность гостя, гостеприимство по словам Семена Палласа, обязывало народы Северного Кавказа оказывать прием недоброжелателям, врагам и даже кровникам. «Того, кто ударил тебя камнем, угости хлебом» - «Таш бла ургъанны аш бла ур», - говорили предки карачаевцев и балкарцев.

Так, в свое время Платон Зубов, описывая кавказские народы отмечал, что даже преступник в гостях у них становился «священной особой». Но различная степень виновности преступника он указывал, что и гостеприимство соответственно проявлялось в разной степени. Если в кунатской того или иного хозяйка оказывался кровник, хозяин мог заинтересоваться целью его приезда только по истечении трех дне

пребывания в его доме. И лишь затем предпринимал необходимые действия, способствующие урегулированию конфликта.

Но, по традиции, ответственность за гостя-кровника распространялась до тех пор, пока он был гостем данного дома и села, что свидетельствует о потере в дальнейшем временной связи с культом очага этой семьи. По словам Ковалевского М.М., даже «убийца собственного сына хозяина не подлежит мести до тех пор, пока он пребывает под одной с ним кровлей, питаясь яствами из одного очага. Но раз между ними прекращено общение домашнего культа, хозяин считает долгом мстить своему недавнему гостю за причиненную им обиду».

На протяжении своей истории этот порядок трансформировался, кровнику достаточно было проникнуть в центральное помещение любой семьи, чтобы считать себя спасенным от преследования.

Народный обычай не допускал выдачи гостя его врагам. Всеобщему преследованию подвергался тот, кто оскорблял, грабил или убивал гостя. Такие люди считались преступниками перед обществом, изгонялись из деревни, а чаще всего лишались жизни своими же собственными родственниками.

Обычай гостеприимства в широком смысле слова означал, что семья и хозяин дома несли полную ответственность за благополучие гостя, его самочувствие, здоровье и успех предпринятой им поездки. В случае преследования или иных попыток нарушения недоброжелателями обычая гостеприимства на защиту вставала вся фамилия. Оказывали помощь и односельчане. Многочисленные свидетельства этого содержатся и в произведениях устного народного творчества.

Так, например, в карачаево-балкарском эпосе осуждается злоязычный нарт Тияхсыртан, оскорбивший на пиру гостя - богатыря Рачикау. «Мы переносили от тебя всякие ругательства и колкости, терпели их, за что же ты не оставил в покое нашего гостя?» - говорили ему другие нарты.

Со своей стороны гость был связан определенными обязательствами по отношению к приютившему его дому. Он был обязан в точности исполнять все обычаи страны и ни словом, ни даже намеком оскорбить хозяина и тем более не обесславить его гостеприимства. Нарушение правил гостеприимства вело к кровной вражде. Многие путешественники отмечали, что нигде не поливается больше крови, чем из-за нарушения этого обычая.

Выше отмечалось, что гость находился под защитой хозяина только в период пребывания у него в доме. Однако нередкими были случаи, когда хозяин провожал своего гостя до безопасного места.

Обычай радушного гостеприимства воспитывал в человеке общественное сознание: горец стремился достаточно принять гостя не для того, чтобы проявить себя, а затем, чтобы через свой поступок выразить лучше традиционные качества народа.

Большим позором считалось отказать гостю в приеме или не суметь защитить его честь, а кто не исполнял то и другое - покрывал позором себя, семью, членов фамилии, компрометировал село и всю сельскую общину.

Семья не способная исполнять долг гостеприимства подвергалась насмешкам, осуждению, игнорированию со стороны односельчан. С ними даже не рекомендовали вступать в родственные отношения. Карачаевцы и балкарцы говорили: «Намыс болмагъан джерде, насыб джокъду». (Где нет чести, там нет счастья).

Следует отметить, что сама кунацкая, согласно ряду показаний, кроме того, что служила помещением для гостей, еще и совпадала с той частью жилища, которая обычно именовалась «мужской половиной». Так, например, еще в прошлом веке А.Н. Дьячков-Тарасов в «Заметках о Карачае и карачаевцах» писал, что «всякий карачаевский дом делится на женскую и мужскую половину, причем мужская половина служит также у многих в качестве кунацкой». Это мнение было высказано М.О. Косвенном. Мусукаев А.И. уточняет, что обособленному проживанию старшего мужчины в кунацкой способствовали обычаи избегания между ним и женой, а также между ним и снохами.

Что касается убранства кунацкой, то оно зависело от возможностей хозяев, но каждая семья старалась обставить ее как можно лучше. Это было связано не только с престижными соображениями хозяев, но и их стремлением показать, что все самое ценное в доме принадлежит гостю. И действительно богатые кунацкие поражали воображение резьбой, увешивались дорогими коврами, снабжались роскошными постельными принадлежностями и драгоценной посудой, рядовые же, украшались орнаментированными камышовыми циновками или войлочными кийизами, в них держали самые лучшие из имевшихся в семье одеяла, и подушки, столовые принадлежности и т.п. То же относится к посудам для омовения и молитвенным коврикам - намазлыкам. На стенах висели оружия и музыкальные инструменты, кунацкая всегда должна быть готова к приему гостя. Гостевые комнаты и дома горцев можно было определить безошибочно, двери кунацкой полагалось держать открытыми постоянно, чтобы путник мог войти туда даже в отсутствие хозяина.

Гостей ожидали чаще всего поздней осенью и зимой, и обычно во второй половине дня к закату солнца. Особенно желанным считался гость, появившийся в погожий день в вечернее время. О таком госте обычно говорили: «Ингирги къонакъ сыйлы болады» (Вечерний гость - желанный). В случае ненастной погоды и утреннего гостя карачаевец или балкарец мог шутя заметить – «Таланнган къонакъ, заманда келгенсе» (Неугомонный, не в урочное время приехал).

У каждого горца перед гостевым домом или комнатой обычно находилась коновязь (ат илkich), а иногда и шест с отростками (быкъы) на который вешали верхнюю одежду. У богатых и знатных людей иногда коновязи имели вид каменного столба, украшенного резьбой орнаментального характера и надписями религиозного содержания.

Гость, сойдя с лошади привязывал ее, снимал бурку и плетку, и вешал на коновязь, Это служило знаком, что он хочет остановиться у данного хозяина (къонакъбай). Гость мог войти в кунацкую сам, если же он был в

первый раз, то ждал пока его отведут. Никаких вопросов при встрече не задавали, но если гость давал понять, что задержится, бурку и плеть уносили в кунацкую. Ружье и шапку, если они были, гость отдавал встречавшему, а кинжал и пистолет оставлял при себе.

Гостю давали умыться, приносили айран и бузу, а затем уже готовили еду. Вообще питанию гостя уделялось большое внимание, но оно должно было быть разнообразным, обильным и вкусным. В честь гостя обычно резали барана, устраивали угощение. Приготовляли пищу женщины, а вносили в кунацкую на столы «тепси» молодые парни (шапа).

Как и другие народы Кавказа, карачаевцы и балкарцы считали, что в парадном застолье не менее чем угощение, важны интересная беседа, положенные тосты, нередко перераставшие в яркие речи. С гостем беседовали только старшие, но и они старались предоставить инициативу в разговоре гостю. Высоко ценился тамада, умевший не дать скучать за столом. Карачаевцы и балкарцы о нем говорили «кьонакъ бла тура билген» - умеющий посидеть с гостем. Так хозяева заботились не только о питании и отдыхе гостя, но и старались его развлечь. Если гость был стар, для беседы приглашали родных и соседей хозяина, подходящих по возрасту. Если молодой - вызывали молодежь, приглашали девушек, устраивали танцы.

На время пребывания гостя к нему для обслуживания прикреплялся молодой человек (атчи). Он ухаживал за гостем и обслуживал его.

Приезжий считался гостем всей фамилии, родственники хозяина помогали ему достойно принять гостя, охотно приглашали его к себе, но жить он должен был у первого его принявшего не только в этот приезд, но и последующие. Не менее свято соблюдался закон гостеприимства на коше.

Когда гость начинал собираться в путь, его просили задержаться еще. Время пребывания в гостях не было жестко ограничено, но и затягивать его считалось неприличным. Торжественный прием даже почетного гостя обычно длился три дня, после чего он уже как бы становился членом семьи. Теперь можно было осведомиться о цели визита, чтобы в случае надобности оказать гостю всю возможную помощь. Только после того, как хозяин считал свою миссию выполненной, он переставал противиться намерению гостя пуститься в дальнейший путь.

Этикет гостеприимства не требовал, но допускал и даже поощрял одаривание гостя. Если гость по оплошности или намеренно хвалил какую-нибудь вещь, то она преподносилась ему в подарок. Почетного гостя часто одаривали и по собственной инициативе, причем из престижных соображений очень щедро. В феодальной среде было принято дарить дорогую одежду, скот, рабов и особенно оружие и коней (кроме личных). Однако тогда и при ответном визите полагалось отдарить дарителя. Одаривание в расчете на ответное одаривание и даже «одаривание с переплатой» - хорошо известный современной этнографии обычай обмена дарами, или дарообмена.

Отмена крепостного права и проведение ряда буржуазных реформ в Карачае и Балкарии в 60-70-х гг. прошлого столетия привели к глубоким

изменениям во всех сферах жизни. Этот процесс оказал самое непосредственное влияние на институт гостеприимства, как на его ферму, так и на содержание, все более сводя на нет наиболее традиционные архаические его черты. Кардинальные преобразования, происходящие в обществе, наметили тенденцию к снижению роли гостеприимства в быту карачаевцев и балкарцев, сужению его социальных функций.

Немалую роль в этом сыграло влияние российских порядков вообще, ненужность теперь защитных функций этой традиции в частности. При сельских правлениях стали возникать общественные кунацкие. Они предназначались прежде всего для ночных гостей, не испытывавших отныне стеснение из-за беспокойства хозяев. Содержались общесельские кунацкие за счет всей общины и каждая семья без лишних напоминаний старшины поочередно подвозила дрова, сено для лошадей приезжих. Убирали в них женщины из близлежащих дворов. Обстановку - кровати, столики с сиденьями, ковры, постельные принадлежности - покупало сельское правление. Здесь, как и в частных кунацких, висели даже музыкальные инструменты. Теперь уже не только в кунацких уважаемых людей, но и в общественных кунацких осенними и зимними вечерами собравшиеся мужчины обсуждали сельские и родственные дела, решали общие хозяйственные вопросы, проводили досуг в беседах, а то и в развлечениях. В этом отношении общественные кунацкие в какой-то мере были преемниками княжеских кунацких.

2. Другой социальный институт, распространенный практически у всех народов Северного Кавказа - это институт куначества. Хотя куначество тесно, генетически было связано с гостеприимством, но оно не являлось разновидностью гостеприимства, а представляло собой новый самостоятельный вид межродовых и межобщинных отношений.

Обычай куначества являлся важным стимулятором межэтнических контактов и фактором социальной истории кавказских народов. «Кунак» т.е. гость и «кьонакьбай» т.е. хозяин гостя считались чуть ли не кровными братьями. Говоря о гостеприимстве, было уже отмечено, что гость в кавказской семье считался лицом неприкосновенным и высоко почитаемым и даже кровный враг, переступивший порог дома, избегал возмездия, пока находился в доме. Но когда речь идет о куначестве, то это уже не временное гостеприимство, а постоянная связь между лицами, часто даже различных национальностей. Дело в том, что при всяком архаическом гостеприимстве особые отношения между хозяевами и гостем имели силу лишь в стенах дома. Вне этих стен (точнее за оградой, а еще точнее, за пределами селения) хозяин не был обязан защищать гостя от тех, кто мог его ограбить, убить или продать в рабство. Архаическое право не запрещало сделать это и со своим бывшим гостем даже ему самому. Карачаевцы и балкарцы не составляли здесь исключение.

Рассказывая об исторических корнях куначества среди балкарцев и карачаевцев нельзя не отметить такой примечательный факт. В 1395 году

всемирный завоеватель Тимур, узнав о том что «один из эмиров Джучиева улуса по имени Утурку скрывается в крепости правителя народов Асов, в горах Эльбурса; написал письмо правителю Пуладу с требованием выдать Утурку. Правитель асов Пулад не побоялся ответить самому Тимуру: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены, Утурку нашел у меня убежище, и, пока у меня душа будет в теле, я его не выдам и пока смогу, буду защищать и оберегать его». Остается лишь удивляться тому, до какой степени доходит почет и уважение к гостю в горской среде.

Куначество - связь между двумя людьми, выросшая из гостеприимства, но переросшая в дружбу. В отличие от гостя, которым мог быть любой человек, кунаком становился уже знакомый, связавший себя со своим кунаком обязательством взаимной помощи и защиты. Отношения между хозяином и гостем были временными, отношения между кунаками постоянными и даже наследственными. Гость мог остановиться в любом доме, кунак - только в доме кунака, где его принимали, как своего, без строгого «гостевого» этикета и, в частности, сразу же интересуясь целью визита. Больше того, если бы кунак остановился не у кунака, то это повело бы к обиде и разрыву отношений. А самое главное, кунак должен был защищать кунака не только у себя, но и повсюду, где он мог обеспечить ему защиту. Обычно такая возможность предоставлялась ему в родных краях, дальше же он передавал защиту опекаемого другому.

Следует отметить, что куначество в более древний период устанавливалась клятвой двух лиц, которые, бросив в чашу с молоком (или вином) золотые или серебряные монеты в знак постоянной и «нержавеющей» дружбы, по очереди пили из нее. Обычай куначества имел особое значение в период отсутствия централизованной власти и феодальных распрей. Характерен самый обряд установления отношений куначества: проситель, касаясь рукой полы одежды человека, под защитой которого хотел находиться говорил «Отдаюсь под твое покровительство». Позднее элемент покровительства и защиты в обычае куначества сгладился и уступил место взаимной дружеской поддержке кунаков. Изменился и обряд. Желавшие стать друзьями приносили на Коране клятву в дружбе в присутствии матери одного из них.

Кунаки обязаны были защищать один другого и помогать друг другу при любых условиях, а с XVI-XVIII веках, в условиях постоянной феодальной раздробленности и усиления междоусобной борьбы между владельцами, куначество приобрело еще большую роль, превратившись в орудие борьбы с противниками, в средство примирения с кровниками и улаживания других спорных вопросов.

Образно охарактеризовал преимущества куначества англичанин Дж.А. Лонгворт: «...получив жилище и имя своего хозяина, или кунака взамен паспорта, иностранец испытывает мало опасностей и будет принят с радушием, куда бы он ни направился, путешествуя по диким ущельям Кавказа столь же свободно, как если бы он передвигался по самым

оживленным магистралям Европы». И.Ф. Бларамберг объяснял генезис куначества политическими соображениями, считая, что посредством этого народного обычая народ Северного Кавказа имели возможность контактировать между собой и сближаться. Эту же мысль о роли гостеприимства и куначества в «межродовом и международном общении» подтвердил и С. Анисимов.

Сложившаяся на Северном Кавказе обстановка значительно усилила распространение куначества как между горцами так и между горцами и русскими. Карачаевцы по условиям хозяйства месяцами находились среди русских во время пастьбы скота, заготовки кормов, что способствовало появлению кунаков. Оценив значение русского языка, знаний, ремесел, карачаевцы зачастую надолго оставляли у русского кунака своих сыновей для обучения языку и ремеслам. Л.Н. Толстой восторженно писал о миролюбии, честности и преданности в дружбе, свойственных кавказскому куначеству. О своем кунаке-чеченце он сообщал: «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям ради меня, у них это считается за ничто – это стало привычкой и удовольствием. То же самое можно сказать о любом из северокавказских народов».

Отношения куначества могли быть установлены между местными людьми и постоянно приезжавшими торговцами-грузинами, армянами, горскими евреями. Покровительство известного князя или дворянина являлось достаточной гарантией для безопасности купца и для его радушного приема в любом населенном пункте.

Карачаевцы и балкарцы всегда радостно встречали своих кунаков из России, Грузии, Азербайджана, Дагестана. Кунаками были люди, приезжавшие в те или иные села по делам службы, торговцы (что уже выше отмечалось) военные лица, чиновники, журналисты, топографы, землемеры, врачи и просто люди, живущие в соседних населенных пунктах. И.Ф. Бларамберг в своем труде рассказал о русских казаках, живших в пограничных с Кавказом районах, имевших множество кунаков среди черкесов, балкарцев, чеченцев и других народов Северного Кавказа.

Наиболее интенсивно интернациональные связи народов Северного Кавказа с другими народами стали проявляться с развитием науки, туризма и альпинизма в горах Центрального Кавказа, оказания квалифицированной помощи в восхождении на Эльбрус и другие вершины Центрального Кавказа занимало важное место и в организационных вопросах путешественников. Особую роль здесь сыграло гостеприимство и куначество, о которых писали многие авторы и которые сохранили семейные предания.

Нередко карачаевцы и балкарцы сами или вместе с гостями совершали переходы через перевалы. Известно, что в 50-е годы XVII в Урусбиевы проводили посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию и испытав на себе радушный прием таубиев Баксанского ущелья, они писали «Послов балкарские мурзы принимали с честью».

С благодарностью запомнили балкарские семьи Терболатовых, Казаковых часто бывавший в ущельях Центрального Кавказа видный ученый

геодезист, любитель путешествий Н.В. Поггенполь. В его далеко не простых исследованиях активную помощь оказали, ставшие ему родными, Молай Терболатов и Исса Казаков.

Верным другом оказался, даже исполняя роль носильщика, Бачай Урусбиев в экспедиции 1910 года профессора Варшавского университета В.В. Лубянского.

Как извещал «Ежегодник русского горного Общества первыми обладателями проводнических книжек» стали известные многим поколениям туристов, альпинистов и ученых среда прочих карачаевцы Бузоу Узденов из Учкулана и Ахия Семенов из Теберды. Обычай куначества передавался от отца к детям, и потому кунак и потомки его не могли не остановиться в том доме, где останавливались предки, это значило бы нанести тому дому величайшее кровное оскорбление.

Принимая многие известия и данные о дружеских и куначеских контактах представителей разных народов, нельзя согласиться с А. Лиловым, считавшим, что они распространялись только на «единомышленников и единоверцев, людей одного социального уровня».

Правда, в дореволюционной литературе прямо не говорится о куначестве, к примеру, выходцами из среды господствующих классов России и Западной Европы и простыми крестьянами-горцами. Но, вчитываясь в их воспоминания, можно увидеть, что горцы вели себя с некоторыми из приезжих гораздо проще, чем с другими. И разница в том, что с кунаком они беседовали по всем интересующим их темам, проявляли повышенный интерес к его делам и принимали в них активное участие, что возможно, по мнению В.К. Гарданова, только в отношении с кунаками.

Обычай куначества вообще играл положительную роль, способствовал расширению и установлению связей между народами, взаимовлиянию в культуре. Однако обычай безоговорочной помощи и защиты кунака в конкретных случаях приводил и к укрыванию преступника. В.К. Гарданов, изучая общественный строй адыгов (аналогично карачаевцев и балкарцев), убедительно показал, что куначество, близкое обычаю гостеприимства, в период развитых феодальных отношений приобретало другую окраску. Отношения куначества очень часто заключались не между равными по положению людьми, а между представителями феодальной верхушки и низестоящих сословий или чужестранцев. Становясь кунаками князя, они искали его покровительства и защиты, и попадали в ту или иную форму зависимости от общего кунака-князя.

Куначество перерастало в патронат, сыгравший большую роль в становлении феодальных отношений (особенно был распространен у адыгов). Конечно, чем влиятельнее был кунак, тем надежнее была защита. Поэтому В.К. Гарданов, более полно исследовавший куначество у адыгов, правильно обращает внимание на то, что в кунаки предпочитают брать князей, дворян или представляющих их людей. Но, разумеется, кунаками бывали не только они. И простые люди из сильных крестьянских семей, как

это известно, в частности, о балкарцах, нередко выступали, опираясь на свои родственные связи, в роли кунака - покровителя (къонакъбай).

Как уже выше отмечалось, куначество, как и гостеприимство, принадлежало к числу лучших народных традиций. Верность куначескому долгу, дружбе, высоко ценилось, неверность считалась подлостью.

В то же время некоторые стороны гостеприимства и куначества испытали сильнейшее влияние классовых порядков. Кабардинские адаты (как и адаты многих других северокавказских народов) предписывали крепостным крестьянам строить и ремонтировать владельцу кунацкую, брать на постой и кормить приехавших с гостем слуг, кормить их коней и т.п. Бывало и так, что в то время как владелец принимал знатных гостей, гости попроще вообще передавались на попечение крестьян. Определенные обязанности, связанные с гостеприимством возлагались и на нижестоящих феодалов. В частности вышестоящие феодалы могли призывать их обслуживать своих гостей или требовать от них подарков своим гостям. Архаичное одаривание вообще очень широко использовалось феодалами в собственных целях. К нему прибегали как к одному из способов укрепления вассальных отношений. По свидетельству немецкого востоковеда академика Г.Ю. Клапрота, побывавшего в Кабарде в начале XIX в., князь делал время от времени подарки своим дворянам, но если кто-нибудь из дворян отказывался подчиниться своему князю, он был обязан вернуть ему все подарки, которые он и его предки получили.

Возникла даже особая категория оскудевших князей и дворян, являвшихся к процветающим владельцам за подарками в качестве так называемых гостей с просьбами (тилеучю къонакъ). Большой знаток быта кавказских горцев Н.Ф. Дубровин характеризовал их как людей считавших для себя унижительным заниматься физическим трудом и видевших в обычае гостеприимства и одаривания легкий путь добывания средств к существованию. Он описывает такой обычай у черкесов и кабардинцев: «Такой гость пожив определенное время у князя или богатого уорка, просил его подарить ему десять лошадей, двадцать быков да сотню овец». По обычаю князь не мог отказать в подобной просьбе и должен был удовлетворить просителя. Да к тому же такого рода благодеяния были «наруку» и самим князьям, т.к. расширяли круг зависимых от сильных мира сего людей, усиливали их влияние и могущество.

Да и тяготы одаривания в конечном счете ложились на плечи не дарителя, а его вассалов, крепостных крестьян. Адаты разрешали феодалам брать самопроизвольно у простого народа покровительствуемых ими аулов понравившиеся их гостям или им самим что-либо из оружия и вещей или несколько лошадей, быков, баранов для подарков своим гостям. Поэтому приезд к князю «гостей с просьбой» приводили часто подвластных ему крестьян к обнищанию, т. к. гость князя считался и их гостем, а его прислугу они обязаны были, кроме всего прочего, полностью содержать на свой счет.

Гостеприимство и куначество нередко становились теми механизмами, посредством которых устанавливались или расширялись феодальные

отношения. Человек (особенно переселенец, часто нуждавшийся в помощи и защите) сперва становился гостем, затем кунаком и, наконец, лицом, зависимым от своего покровителя. Между ними возникали неравноправные, асимметричные отношения, постепенно превращавшиеся в отношения феодальной зависимости. Однако было бы неверно считать, что они складывались только так. И у карачаевцев и у балкарцев оба этих тесно связанных между собой обычая сохранились в народной среде также и в качестве механизмов взаимной симметричной помощи и поддержки. Их задействовали, в частности те, кто собирал средства для брачного выкупа, вел затяжную тяжбу, был разорен грабительским налогом, неурожаем или падежом скота, пострадал от пожара или другого стихийного бедствия.

В конце XIX - начале XX вв. обычай гостеприимства и куначества постепенно теряли свои архаические черты. Особую роль в этом сыграло влияние российских порядков вообще, а также было продиктовано и тем, что постепенно этот обычай, как и гостеприимстве, теряли основную роль, выполняемую ими, а именно, защитную функцию.

Приходилось считаться и с тем, что власти все настойчивее боролись с практикой «преступного скрывания гостей». Помогать людям, преступившим российские законы, и, прежде всего кровникам, старались так, чтобы не было заметно со стороны. Но тотальной слежки государства за частной жизнью граждан еще не было, не получило широкого распространения и доноительство, и поэтому даже эта традиция оставалась в основном непоколебленной.

Таким образом, можно отметить, что обычай куначества в рассматриваемый период продолжал играть важную роль. Благодаря этому институту развивались экономические, культурные и брачные связи, взаимно обогащались культура и быт горцев и народов всего Кавказа.

3. Аталычеством в кавказоведческой литературе именуется порядок, сущность которого состоит в том, что ребенок вскоре после рождения переходит на некоторое, более или менее продолжительное время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям.

Название этого института происходит от тюркского слова «ата» «аталык» - отец и означает отцовство. Этот обычай уходит своими корнями в первобытнообщинный строй. Первые упоминания о нем относятся к IX-X вв. Так еще в 922 году Ибн Фодлан писал об обычае древних булгар (как известно явившихся одним из племей, принявших участие в формировании карачаево-балкарской народности): «Одно из правил таково, что если у сына какого-либо человека родится ребенок, то его берет к себе его дед, прежде его отца и говорит: «Я имею больше прав, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается взрослым мужчиной».

Исследования известных этнографов и историков свидетельствует о том, что этот древний обычай, возможно, зародившийся в родовом обществе, со временем превратился в социальный институт для феодального общества, которое умело его использовало своих интересах, как и множество других

общественных элементов патриархально-родового строя, так долго уживавшихся с бытом горцев Кавказа.

Существующие показания о кавказском аталычестве говорят с том, что тогда как в прошлом этот обычай практиковался всеми общественными слоями, с течением времени он оказался более устойчиво сохраняющимся в среде господствующих сословий - князей и дворян, в крестьянской среде он изживался. При этом тогда, как в пошлом господствующие сословия отдавали детей на воспитание в своей среде, т.е. в семье равного им сословия, позже аталычество приобрело сословный характер в том, что дети господствующих сословий отдавались на воспитание в семьи зависимых сословий. В такой именно форме аталычество у некоторых народов Кавказа и сохранялись наиболее стойко.

У народов Северного Кавказа аталычество в XIX в. было распространено главным образом в феодальной среде, причем практиковалось часто, в отношении мальчиков и очень редко девочек. В крестьянской среде аталычество также имело место, но составляло крайнюю редкость. У крестьян ребенок обычно отдавался на воспитание своему материнскому дяде, причем при условии, что семья ребенка была беднее, чем семья дяди.

Ребенок, родившийся в семье князей, передавался на воспитание кому-либо из кара-узденей, а в отдельных случаях даже азатов (вольноотпущенных). С аталычеством был связан ряд установлений. Воспитатель - аталыкъ муж и его жена (эмчекъ ана), кормившая ребенка грудью, всегда принадлежали (как уже выше отмечалось) к более низкой, чем семья ребенка, ступени на социальной лестнице. Для них взять воспитанника - значило приобрести в будущем влиятельного покровителя.

Если во время беременности княгини одна или даже несколько семей заявляли о своем желании взять будущего ребенка. После имянаречения ребенка будущие приемные родители со специально приготовленным угощением и оседланной лошадью шли к дому князя, поздравляли его с сыном или дочерью и просили отдать им ребенка на воспитание. В случае согласия бабушка ребенка по отцовской линии вручала младенца будущей приемной матери. Воспитанника мальчика называли эмчек улан или эмчек джаш, девочку-эмчек къыз, а получившего уже воспитание - эмикдеш.

Родители не должны были навещать своего ребенка и вмешиваться в его воспитание в новом доме. По достижении ребенком одного года устраивался праздник показа его жителям селения или поселка, которые его одаривали. А через некоторое время устраивали праздник в честь первого шага, выявляли склонности воспитанника, раскладывая перед ним различные предметы от книги до чабур - и наблюдали, что его больше привлекает. Отсюда делали вывод, кем он будет, когда вырастет.

Если в более отдаленные времена обычай аталычества был связан с воспитанием хорошего тона, поведения, то в XIX в. добавилось и стремление феодальной верхушки избавить своих жен от лишней физической нагрузки. Кроме того, по мнению Абаева М. аталычество было основано на обычае

или, правильное, на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью своей и с первого же дня рождения детей отдавали на воспитание - кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми. Существование аталычества среди таубиев и крестьян зафиксировано также в адатах северокавказских народов: «Старшины, каракиши не воспитывают детей сами, а отдают их аталыку или кормилице». Таким образом, в рассматриваемый период, обычай аталычества продолжал практиковаться большей частью в среде господствующих сословий - князей и узденей.

Некоторое распространение имела на Кавказе отдача детей на воспитание в семьи других народов, что, опять же практиковалось видимо, только высшими сословиями. Это в немалой степени способствовало зачастую прекращению вражды или созданию феодальных союзов. М. Абаев правильно отмечал, что воспитывали детей балкарских таубиев также кабардинские и осетинские феодалы, в свою очередь балкарские таубии и карачаевские бии являлись аталыками своих сюзеренов - кабардинских князей, вассалами которых они являлись. Например, Алиев Тогузак воспитывал детей Атажукиных, Дудовы имели эмчеков в Сванетии. У Угаровых (Дадешкелиани). Даже некоторые балкарские крестьяне были аталыками кабардинских князей. Так, Геккиевы являлись аталыками князей Атажукиных.

В большинстве же случаев князья и уздени сами выбирали аталыков для детей из своих вассалов. Воспитатели должны были иметь хорошую репутацию, знать народные и военные обычаи, а хозяйка в доме воспитателя должна быть хорошей, строгой и умной матерью, экономной домохозяйкой и т.д. Эти обычаи, в общем-то, были взаимовыгодны. Вышестоящий феодал, передавая ребенка на воспитание нижестоящему феодалу и лишь иногда крестьянину, а тем самым, роднясь с ним, расширял круг своих приверженцев, преданных его дому людей. Аталычество помогало ему еще больше укрепить свое влияние, могущество, власть. Иногда, жители целого селения, общества считали себя аталыками воспитанного между ними ребенка знатной фамилии. Со своей стороны воспитатель приобретал в лице воспитанника и его родни могущественного покровителя. Кроме того, обычай играл известную роль и для приобретения аталыком знатности и известного положения. Таким образом, по мнению многих ученых - С.С. Киржинов, Б.П. Невская К.Н. Студенецкая и И.М. Шаманов – аталычество в эпоху феодализма приобретало окраску феодализма и строилось на основе взаимной выгоды. Воспитанник находился в доме аталыка в течении ряда лет. Срок, до которого ребенок отдавался, определяется в существующих показаниях чаще всего выражением «до совершеннолетия», что у народов Кавказа соответствует примерно 8-13 годам, но чаще этот срок до 17-18 лет, «до женитьбы». Девушек отдавали до 12-13 лет или же к моменту замужества. Все заботы и тяготы воспитания ложились на семью аталыка. Обучением ребенка-мальчика после трех лет занимался аталык. С шести - семилетнего возраста его начинали приучать к труду, что делали очень

осторожно, не перегружая и, постоянно следя, чтобы ничего не случилось. Аталык учил своего питомца всему что должен был знать и уметь каждый молодой князь или дворянин: правилам поведения горскому этикету, верховой езде, стрельбе, физическим упражнениям, хозяйственным и другим навыкам. Воспитание девочки входило в обязанность жены аталыка. Она учила ее рукоделию - вышиванию, тканью сукна, различным женским работам и обязанностям будущей хозяйки, тонкостям этикета, приему гостей и т.д. Большое внимание уделялось туалету, хорошему знанию танцев и песен. Молодые братья и сестры были близки воспитаннику, но с первых дней перед ними он имел известные привилегии. Люлька его должна, было быть выше и наряднее, ее нельзя было качать ногой (как часто делали горянки), а только рукой. Воспитанника кормили раньше, чем своего ребенка, и давали ему правую грудь. Иногда даже для него складывали специальную колыбельную песню. По распространенному порядку родители отданного ребенка не должны были видаться с ним (как уже выше подчеркивалось) в течении всего времени его нахождения у аталыка, более того, не должны были справляться о нем и вообще обнаруживать какую-либо заботу о нем. Даже выказать желание повидать своего ребенка считалось для отца непростительной слабостью. Даже при случайном свидании с сыном он не должен был подать вида, что знает его. Часто дети привязывались к аталыку больше, чем к своему отцу, который вследствие обычая, побеждал в себе естественное чувство природы, избегал видеть своих детей до их совершеннолетия, потому что родительская нежность признавалась «недостойной мужчины и воина». У адыгов даже была легенда повествующая об очень удачном и правильном воспитании горцев.

Еще находясь у аталыка, воспитанник был тяжело ранен в бою. Он попросил перед смертью хотя бы один раз показать ему родного отца. Сообщили отцу, и тот прибыл в дом, где лежал умирающий сын. По обычаю горцев сыну не полагалось ни лежать, ни сидеть в присутствии отца. Поэтому раненный встал при помощи друзей и встретил отца, как, надлежало, стоя. Он стоял, товарищи поддерживали его, а отец сидел и смотрел на умирающего сына. Однако не долго отец сидел, вставая, он сказал: «Я не посмотрелся на своего несчастного сына, но все же я должен уйти, ибо стоять ему тяжело, а лечь при мне он не смеет». Эта легенда проливает свет на то, как проявлялся этот обычай практически у всех народов Северного Кавказа. В основе легенды вполне мог лежать действительный случай. Так же как у черкесов, карачаевцев и балкарцев отличало от многих других народов особенно глубокое и истинное почитание горских обычаев и беспрекословное следование им.

Возвращение воспитанника домой по истечении положенного срока обставлялось особым торжеством. Аталык снаряжал для воспитанника коня, седло и одежду, для девушки шили нарядный костюм. В доме аталыка устраивали праздник, в котором участвовали все члены тукума воспитателя, а иногда и все селение. Когда, воспитанник с сопровождавшими прибывал в дом отца, его встречали приближенные князю уздени и вводили его (или ее)

в дом к родителям. Первой обнимала прибывшего мать, затем отец. Семья воспитанника также устраивала по этому случаю большие торжества, сопровождаемые скачками, танцами и т.д. Аталыка благодарили, семья воспитанника преподносила аталыку и его семье дорогие подарки (оружие, коня, скот, одежду, земельный участок, крепостных крестьян иногда). Подарок аталыку назывался эмчеклик (грудное). Получивший эмчеклик нес по отношению к князю определенные повинности, так называемую эмчекскую подать.

Между семьями аталыка и эмчека устанавливались родственные связи. Молочные родственники и аталыки считались очень близкими родственниками, наравне с кровными родственниками. Родство по аталычеству считалось более тесным, чем кровное. Часто оно было двойным, т.к. обычно аталык приглашал кормилицей свою родственницу (ею могла стать и его жена), и к родству по воспитанию добавлялось молочное родство (недаром у балкарцев и карачаевцев воспитанник назывался эмчек - грудь, сосок, в то время как у кабардинцев кьан - кровь). Но и одно только длительное, нередко лет до 15-16, а то и до свадьбы, пребывание воспитанника в доме аталыка сближало его с новой семьей и вело к отчуждению от родной семьи. Имеется много сообщений о том, что в случае ссоры аталыка с отцом воспитанника последний принимал сторону аталыка. Но такие ссоры были редкостью, в норме родство по аталычеству связывало между собой не только две семьи, но и две фамильно-патронические организации.

Воспитанник, возвратившийся к своим родителям, сохранял и после того весьма близкие отношения со своим воспитателем, его семьей и всем его родом. Более того, отношения и связь с группой, в которой он воспитывался, считались выше, значительнее, чем отношения родственные, считались особо священными. Часто семья аталыка даже была для воспитанника роднее, ближе, чем его родная семья. Аталычество устанавливало связь воспитанника не только с семьей аталыка, но и со всем селением или со всей родственной группой, к которой та семья принадлежала, причем все члены этой группы считали себя аталыками данного воспитанника. У карачаевцев и балкарцев также как и многих других горских народов, воспитанник и сыновья аталыка считались молочными братьями, одновременно их связывала и тесная дружба. У всех народов, знавших аталычество, воспитанник не мог вступить в брак с кем-либо из семьи своего воспитателя. Кроме того, воспитанник был обязан защищать интересы того рода, в среде которого он воспитывался, должен был вступаться за обиду, нанесенную его воспитателям. Безусловно, аталык стремился к тому, чтобы его воспитанник был под его влиянием. Связи, установившиеся между воспитанником и семьей его воспитавшей, не только не прерывались после окончания воспитания, но и расширялись, налагая на обе стороны различные права и обязанности. Аталык и его жена могли в любое время позвать своего воспитанника к себе домой и возложить на него заботу об их семье. Вообще в течение всей своей жизни воспитанник был привязан к семье своего аталыка,

постоянно оказывал ей услуги. Женщина вскормившая своей грудью чужого ребенка, приобретала над ним такие права, которые не уступали родительским. «Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания, вознаграждать своего воспитателя 9/10 добычи, которую он добыл, пока обучался у него» - отмечал П.С. Паллас.

Согласно ряду показаний, аталык мог даже подыскивать своему воспитаннику невесту, участвовал в решении всех вопросов, касающихся его судьбы, в частности вопроса о женитьбе, а равно и погребения. Аталык настолько привязывался к своему воспитаннику, что в случае его смерти, он в течении года соблюдал траур также, как если бы это был его родной ребенок.

Воспитанница также до своего замужества повиновалась семье своего аталыка. При выходе ее замуж семья ее обязана была отдать семье аталыка часть полученного за нее калыма.

Таким образом, воспитанник или воспитанница всю жизнь являлись покровителями своих воспитателей и молочных родственников. Аталык, несмотря на более низкое социальное положение до конца жизни мог сидеть при своем воспитаннике-князе, есть и пить вместе. На семьи родителей и воспитателей распространялись обязанности взаимопомощи в случае выплаты выкупа. Такое сложное переплетение отношений родства и феодальной зависимости сложилось в период разложения патриархальных отношений и развития феодального строя. Большие труды и расходы, понесенные семьей аталыка на воспитание, возмещались не только материально, сколько приобретением влиятельного покровителя. Последний же получал помощь в ведении хозяйства и укреплении своего феодального могущества.

В роли аталыков выступали уздени, в том числе довольно крупные, но многие из этих фамилий не входили в четыре основных къяума, а считались потомками пришельцев, тукумами более позднего происхождения. Для таких тукумов связать себя родственными узами с князьями было особенно важно.

По обычаю, аталык мог иметь только одного воспитанника, а знатный князь или дворянин несколько аталыков. В их число входил и тот, кто первый раз брил ему голову и хранил его волосы (чаще наблюдалось у адыгов.)

Таким образом, говоря о роли аталычества в системе народного воспитания, следует еще раз подчеркнуть, что в XIX – начале XX вв. оно было распространено главным образом в княжеско-дворянской среде. И если даже допустить, что в основе аталычества генетически связано с авукулатом, групповым браком или народными суевериями, то впоследствии оно, безусловно, опиралось на классовые вассально-сюзеренные начала, получившие распространение у многих народов средневековья. Это была одна из форм социальных связей между классом имущих и зависимых сословий. При этом, - как указывает А.Я. Гуревич, - между отцом ребенка и его воспитателем устанавливалась тесная квазиродственная связь, включавшая некоторые элементы зависимости и покровительства, тот кто

получал отпрыска знатного рода на воспитание, как бы внутренне приобщался к «удаче» и «счастью» этого рода и мог рассчитывать на его поддержку. При таком положении естественно предполагать (да это так и было), что аталычество т.е. отдача детей в «чужой дом» на воспитание, не являлось типичным для крестьянской семьи. Простому землепашцу или скотоводу этот институт не давал ни экономических, ни иных выгод, а, следовательно, как метод воспитания был неприемлем.

У балкарцев и карачаевцев аталычество сохранялось несколько дольше, чем у остальных народов. Так, если у кабардинцев обычай удерживался до крестьянской реформы, после которой случаи его были нечастыми, то у балкарцев, например, по утверждению М. Абаева в начале нашего века оно «не успело еще и теперь выйти из моды окончательно».

Однако в рассматриваемое время институт аталычества сильно изменился. Срок воспитания стал сокращаться нередко до 3-7 лет. Церемония возвращения воспитанника домой стала изменяться, принимать более простые формы, терять свои архаические черты и т.д. Аталычество как одна из форм искусственного родства способствовал укреплению связей феодалов с влиятельной частью общества и использовалось как средство влияния на массы, упрочение социальной опоры.

Литература.

2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик, 1974.
3. Асанов Ю.Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. – Нальчик, 1990.
4. Карачаево-балкарских фольклор в дореволюционных записях и публикациях. [Текст] / – Нальчик, 1983.
5. Мусукаев А.И. Традиционные общественные институты народов Северного Кавказа в период феодализма и первых этапов развития капиталистических отношений. – Нальчик, 1990.
6. Мусукаев А.И. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1990.
7. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев балкарцев. – Нальчик, 1992.
8. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. – Нальчик, 1954.
9. Чомаев К.И. Дореволюционные черты этнической психологии народов Северного Кавказа. – Черкесск, 1972.